

BIBLIOTECA
DE MUSEO

J. M. de S. 1872

Игнатий Николаевич Потапенко

Самолюбие (Записки старого студента #05)

Игнатий Николаевич Потапенко — незаслуженно забытый русский писатель, человек необычной судьбы. Он послужил прототипом Тригорина в чеховской «Чайке». Однако в отличие от своего драматургического двойника Потапенко действительно обладал литературным талантом. Наиболее яркие его произведения посвящены жизни приходского духовенства, — жизни, знакомой писателю не понаслышке. Его герои — незаметные отцы-подвижники, с сердцами, пламенно горящими любовью к Богу, и задавленные

нуждой сельские батюшки на отдаленных приходах, лукавые карьеристы и уморительные простаки... Повести и рассказы И.Н.Потапенко трогают читателя своей искренней, доверительной интонацией. Они полны то искрометного юмора, то глубокого сострадания, а то и горькой иронии.

Произведения Игнатия Потапенко (1856–1929), русского прозаика и драматурга, одного из самых популярных писателей 1890-х годов, печатались почти во всех ежемесячных и еженедельных журналах своего времени и всегда отличались яркой талантливостью исполнения. А мягкость тона писателя, изысканность и увлекательность сюжетов его книг очень быстро сделали Игнатия Потапенко любимцем читателей.

**Игнатий Николаевич
Потапенко
Самолюбие**

Колтухину страшно не везло.

Поступил он в университет чистеньким, хорошо одетым студентиком, всегда ходил с деньгами и — добрый, отзывчивый — никогда не отказывался выручить товарища. Но вышла такая неудача, что, месяцев через шесть после его поступления⁴ в университет, с отцом его, который занимал выгодное место в городской управе где-то в провинции, случилась история. Никто не знал этой истории, но все догадывались, что она была тёмная. Отец его лишился места и даже, кажется, небольшого состояния и попал под суд. С тех пор Колтухин сделался бедняком, ему стало не везти.

Впрочем, может быть, это происходило и оттого, что он был избалован, так как детство провёл в прекрасных условиях. Не умел он и вывернуться из таких затруднений, в которых очень легко разбирались другие. Но и кроме того, от него просто-таки отвернулось счастье. Бывает, что на человека находит такая линия, когда всё против него вооружается. Он и занимался не меньше других, и был он человек толковый, способный и знающий,

но стоило ему получить урок, как через две-три недели родители заявляли претензию, что он плохо занимается. Его несчастная линия как будто переходила и на учеников его: они начинали получать двойки и единицы.

И с большим трудом боролся Колтухин со своей судьбой. Теперь он был на третьем курсе, но как изменился он в сравнении с тем, каким поступил в университет!

То был благообразный юноша, статный, с мягкими, приятными манерами, с цветущим лицом. А теперь он обносился, всё на нём было вытерто, всё утратило форму. Сам он потерял свою статность, сделался неуклюж, нескладен. В лице его появилось какое-то ожесточение, оно обросло, огрубело. Цвет лица был серый, неприятный, борьба, которую он выдерживал, вся отражалась в этом лице.

Разумеется, среди товарищей пропасть с голоду нельзя. У того рубль возьмёт, у этого два. Нередко ему приходилось ночевать на чужих квартирах. Это не всем нравилось, многих это стесняло, но к этому привыкли и терпели.

Всякому приходится бывать в затруднении

и пользоваться услугами товарища. Но у Колтухина это сделалось постоянным. Он вечно был в затруднении, и вечно ему нужна была какая-нибудь помощь. Жалко было смотреть на него, и, конечно, не виноват он был в своих несчастьях. Все это очень хорошо понимали, но не все умели быть деликатными и тактичными, и у многих в обращении с ним проглядывало скрытое пренебрежение. Иной, увидев печальное лицо Колтухина, прямо говорил:

— Ну, сколько тебе, Колтухин? — намекая этим на его постоянную склонность просить денег.

Колтухин, в таких случаях, окатывал товарища мрачным взглядом и молча уходил. Но всё же ему приходилось просить, без этого он не мог обойтись. Самолюбие у него было большое, но был и характер. Он понимал, что ему поскорее и, во что бы то ни стало, надо кончить курс и получить диплом, что только это одно может избавить его от унижительной бедности. И, решив так, он уже сознательно терпел все оскорбления. О нём составилось мнение, как о человеке неспособном, неужив-

чивом, бестактном. Но это была неправда. Ему просто не везло, адски не везло.

И не только среди товарищей была плохая репутация у Колтухина, но и среди профессоров и начальства. Не проходило месяца, чтобы Колтухин не подал ректору прошения, в котором по общепринятой форме писал: «находясь в крайне стеснённых обстоятельствах, покорнейше прошу выдать мне единовременное пособие», и так дальше. Ему сперва выдавали маленькие суммы, десять-пятнадцать рублей, но когда просьбы сделались постоянными и частыми, стали отказывать. А стипендий было мало, и он никак не мог получить её, так как и отметки у него были плохи.

Колтухин был с виду человек мирного нрава, с товарищами не ссорился, но и не сходил с ними близко. Пробовал он сойтись с тем, другим, но едва только замечал пренебрежение, как тотчас же отходил прочь и больше не делал попыток. Только с одним Смуровым он был более или менее близок, и то лишь потому, что они были из одного города и вместе учились в гимназии.

Смуров знал его историю и жалел его, но

помочь не мог, потому что сам еле сводил концы с концами. Но даже и Смуров не знал, что делалось в душе у Колтухина. А между тем в душе его зияла страшная рана уязвлённого самолюбия, рана эта с каждым днём увеличивалась и, наконец, дошла до таких пределов, что он не мог справиться с ней.

И вот заметили, что Колтухин уже несколько дней подряд не появлялся в кухмистерской, где иногда за него платили товарищи, и ни у кого не просил денег.

Это было странно. В университете он появлялся, слушал лекции и, вообще, ни в чём не изменил своего поведения.

— Ты, должно быть, нашёл занятия, Колтухин? — спрашивали его.

— Да, нашёл! — отрывисто отвечал он и больше не хотел давать никаких разъяснений.

— Урок?

— Да, урок.

— Хороший?

— Ничего... жить можно...

Очевидно, он не желал быть откровенным. Но, наконец, эту перемену заметил и Смуров.

— В самом деле, Колтухин, ты получил урок? — спросил он однажды у товарища.

— Разве это так невозможно? — промолвил Колтухин не совсем дружелюбно.

— Нет, отчего же? Я очень рад, если ты, наконец, получил... Но... но тебе так долго это не удавалось.

— А теперь удалось. Вот и всё.

— Где же? У кого?

— Не всё ли это равно?

— Странно, что это может быть секретом.

Извини...

— Не секрет, а только что тут интересного? Все уроки одинаковы... Так, в одном семействе... У чиновника...

— Со столом?

— Да, и со столом...

— Ну, слава Богу... Я очень, очень рад за тебя, Колтухин.

— Спасибо...

Смуров рассказал товарищам, что у Колтухина в самом деле есть урок за стол и комнату, и все порадовались этому. Очень скоро можно было заметить, что среди товарищей начало исчезать прежнее отношение к нему.

Это делается как-то само собой, незаметно. Скверное свойство человеческой природы — невольно относиться с уважением к удаче, а сожаление к неудачам ближнего очень скоро переходит в пренебрежение к нему. Впрочем, Колтухину помогло и то, что он больше никого не беспокоил просьбами, прекратились и его прошения ректору о пособиях. Словом, Колтухин, по-видимому, стал на ноги, и все уже начали забывать о том, как прежде он постоянно надоедал всем.

Прошло около месяца. Однажды Смуров, встретив его в университете, обратился к нему:

— Послушай, Колтухин, ты как-то взял у меня немецкий лексикон, он у тебя?

— Да, у меня...

— Он мне необходим сегодня.

— Сегодня? Так я тебе принесу.

— Зачем же тебе беспокоиться? Я сам найду к тебе. Только ты скажи мне адрес.

— Адрес? Нет, зачем же? Мне не трудно занести... Я занесу...

— Но и вообще, — продолжал Смуров, — хочется иногда побывать у тебя. Разве твой

адрес тайна?

— Ну, вот. Почему же тайна? Каким образом адрес может быть тайной? Но просто... просто неудобно... Видишь ли, они, мои хозяева, тяжёлые люди... А чтоб попасть в мою комнату, надо пройти через... через столовую... Ну, они этого не любят... Знаешь, странные люди, дикие...

Смурову уже тогда показалось, что в его тоне есть какая-то неправда. Но он не мог догадаться, в чём тут дело. Он не настаивал. Колтухин необыкновенно аккуратно исполнил своё обещание и принёс лексикон к четырём часам, как тот ему назначил.

Прошло ещё две недели. Колтухин по-прежнему появлялся на лекциях. Но в его лице заметны были признаки как бы усталости. Он похудел, щёки его ввалились, в глазах появился блеск.

— Ты болен, что ли? — спрашивали его товарищи. — У тебя нехороший вид.

— Чем не хороший? — отвечал Колтухин, нахмуривая брови. — Вид обыкновенный... просто, не доспал вчера... Заболтался, вот и всё.

Но Смуров заинтересовался. Вообще поведение Колтухина казалось ему странным. Он как-то избегал оставаться с ним наедине, как будто боялся расспросов. А когда тот спрашивал о чём-нибудь, относившемся до его урока, отвечал кратко и смотрел в сторону. Теперь его лицо испугало Смурова.

— Послушай, Колтухин, это дурно, если ты болен и не принимаешь мер... Что у тебя? Может быть, что-нибудь серьёзное, так лучше же вовремя принять меры; можно поместиться в больницу, тебя примут бесплатно...

— Глупости! Вовсе я не болен. Я совершенно здоров... — отрывисто ответил Колтухин и, не прибавив больше ни слова, ушёл.

Но лицо его становилось всё хуже. На нём появились какие-то пятна, а в глазах — невыразимая усталость. Смуров заметил даже, что иногда на лекции он закрывал глаза и как будто засыпал на минуту.

«Нет, — сказал он себе, — тут что-то не так. Колтухин что-то скрывает; надо этим заняться».

И вот в один зимний вечер, наступивший рано, Смуров решил не упускать из виду това-

рища. Последняя лекция кончилась поздно; Смуров сидел рядом с Колтухиным и три раза пробудил его от забытья. Тот встряхивался, поднимал голову и говорил:

— Я просто задумался, вот и всё.

Но Смуров уже не верил этой задумчивости.

«Он болен, он не спит ночей, в его жизни совершается какая-то драма», — объяснил себе Смуров.

Как только кончилась лекция, Колтухин как-то нервно поднялся, протянул ему руку и сказал:

— Прощай!

Он поспешно вышел во двор.

Смуров простился, но вышел вслед за ним. Он отстал от него шагов на пятьдесят и старался идти по улице, негромко ступая, чтоб не обратить на себя его внимания.

Вечер наступил вполне. Горели фонари. Колтухин шёл быстро, но как-то неровно. Иногда он вдруг останавливался, стоял несколько секунд, брался за голову и потом ещё быстрее шёл дальше. Раза два Смурову показалось, что ноги его двигались нетвёрдо,

как у человека не совсем трезвого. Всё это тревожило Смурова, и он начинал думать, что Колтухин, может быть, сходит с ума.

Но с чего? Если бы это случилось раньше, когда его обстоятельства были действительно ужасны, он ещё не так дивился бы. Но почему же именно теперь, когда он устроился и дела его пошли лучше? Может быть, он получил какое-нибудь известие из дому и узнал, что там свершилось новое несчастье? Уж если человеку не везёт, так не везёт во всём.

Но куда он идёт? Уже прошло больше получаса с тех пор, как они вышли из университета, а он всё идёт и идёт. Вот уже и Сухаревка, затем Красные ворота, а там пошли все узенькие улицы да переулки, маленькие, грязные дома, длинные деревянные заборы. Куда он идёт? Здесь не может жить кто бы то ни было хотя бы и самый бедный чиновник.

А вот совсем пустая улица; фонари на ней редки и тусклы, не видно ни души. Смуров стал бояться, что, благодаря безлюдью, Колтухин обратит внимание на его шаги, и ещё больше отстал, держась всё-таки от него настолько близко, чтоб не потерять из вида.

Но вот пошли какие-то полуразрушенные постройки, в которых, кажется, никто не жил, и около одной Колтухин остановился и потом, повернув направо, вдруг исчез. Смуров с тревожно бьющимся сердцем прибавил шаг. Он дошёл до того места, где скрылся Колтухин, и увидел перед собой широкий вход во двор.

Там было темно. Он не заметил никакого движения. Тихо ступая, он вошёл во двор, дошёл до середины и, сделав сильное напряжение, разглядел какой-то предмет и чуть не натолкнулся на торчавшую кверху оглоблю водовозной бочки. Он ощупал самую бочку, она оказалась влажной.

«Значит, — подумал он, — кто-то сегодня возил в ней воду, а следовательно здесь живут».

Это соображение заставило его ещё раз хорошенько оглядеться. Зрение его уже свыклось с темнотой. Он стал замечать кое-что такое, чего не заметил с первого взгляда.

У самых ворот стоял маленький флигелёк, старый, покосившийся на бок. В нём была дверь и два небольших оконца такого типа,

какие бывают в деревенских избах. Окна были закрыты ставнями, и сквозь щель одного из них вдруг проскользнула тоненькая струйка света.

«Да, здесь живут», — сказал себе Смуров.

Но тут у него явилось какое-то смутное ощущение страха. Бог знает, куда он попал. Может быть, это какой-нибудь разбойничий притон. Москву он знал плохо. Ему были хорошо известны места, примыкавшие к Моховой, но здесь он был в первый раз. Однако, ведь сюда вошёл Колтухин. Было бы чудовищно допустить мысль, что у него есть что-нибудь общее с разбойничьим притоном.

А разве вообще всё это не чудовищно? Это странное поведение товарища, то обстоятельство, что он забрёл сюда, на глухую улицу, а раньше говорил о каком-то уроке и чиновнике... Смуров не знал, на что ему решиться. Ведь могло стать, что Колтухин и не вошёл сюда; быть может, ему это только показалось. Расстояние могло обмануть его. Если же допустить, что он по каким-нибудь соображениям не хотел, чтобы знали о его резиденции, то что выйдет из того, если товарищ вдруг по-

явится в этом флигеле? Может быть, это только оскорбит Колтухина, если его вдруг найдут в какой-нибудь унижительной обстановке и, может быть, таким образом грубо раскроют его тайну?

«Нет, — подумал Смуров, — так нельзя. Может быть, в конце концов, и необходимо разыскать его и спасти от какой-нибудь роковой трагедии, но это надо сделать осторожно».

И он решил не стучаться в дверь и не заходить во флигель.

Он тихо вышел из двора, — ворот не было, а на их месте была зияющая дыра, — и внимательно осмотрел домик и все приметы, чтобы днём не ошибиться. Идя по улице обратно, он старался заметить цвета и формы домов и заборов. На перекрёстке не было никакой надписи. Значит, это уже не был город. Он собирал все отличительные черты, чтобы лучше заметить дорогу, и, наконец, выбрался на освещённую улицу.

На другой день он пошёл в университет пораньше, но Колтухина не было ещё. Он не явился и до двенадцати часов. Смуров начал

беспокоиться. Может быть, вчера ему не следовало уходить. Что если именно вчера Колтухину нужна была его помощь?

Но в половине первого Колтухин явился. Вид у него был совсем плохой. Особенно глаза были какие-то нервозные и на бледных висках сильно выдавались синие жилки, в которых, заметно для глаз, медленно, но энергично бился пульс. Во взгляде было что-то лихорадочное.

Смуров поздоровался с ним.

— Ты опять плохо спал? — спросил он.

— Да, — сурово ответил Колтухин.

— У тебя бессонница?

— Да, бессонница! — сказал тот и стал смотреть вниз, должно быть, чтоб не встретиться с ним взглядом.

Смуров отошёл от него, а потом, перед самым приходом профессора, вышел из аудитории. У него уже созрел план.

Он вышел на улицу и, освидетельствовав свой кошелёк, нашёл в нём рубля два денег. Он подозвал извозчика и нанял его к Красным воротам, До самого пункта он не мог нанять, так как не знал названия места. Но от

Красных ворот он рассчитывал найти по вчерашним приметам.

Так он и сделал. Но ему пришлось долго блуждать, пока, наконец, он не попал куда следует. Вот и покосившийся на бок домик, и обширный двор без ворот, но посредине его нет бочки. Какая-то обтрёпанная баба возится с бельём в лохани с водой. Он подошёл к ней и поздоровался. Баба посмотрела на него с удивлением.

— Бог в помощь! — сказал Смуров.

— Спасибо, барин! — ответила баба.

— Ведь тут, в этом дворе, живёт водовоз, не так ли?

— Водовоз, а что? Может, работу дать хотите? Так он скоро домой будет. Ежели хотите, он может доставлять вам воду...

— Нет, пока не надо, — сказал Смуров. — А вы его жена?

— Жена; а то как же? Не жена, что ли? Как же не жена?

— Ну, да, я и говорю, что вы его жена. А скажите, у вас ведь есть жилец?

— Жилец?

Она с новым удивлением и даже некото-

рым недоверием подняла голову. Может быть ей показалось странным, что он всё знает.

— Ну, да жилец, студент! — прибавил Смуров.

— Гм!.. Может, он и студент, я почём знаю?

— Да я-то знаю, что он студент.

— А мы, барин, не можем этого знать, — промолвила баба почему-то особенно убедительным тоном.

Кажется, она со словом «студент» соединяла понятие о чём-то дурном и недозволенном, и потому защищалась.

— Мы этого не можем знать! Мы люди бедные! Сами своим тяжёлым трудом перебиваемся.

— Я вижу, что вы бедные люди. Но он вам, должно быть, очень мало платит.

— Платит? Обещал по полтиннику в месяц, да что-то этого не видим. Да и где ему взять? По три дня сидит без хлеба. Иной раз сжалишься и дашь ему от себя...

«О, Господи! — с содроганием подумал Смуров. — Что же это такое?»

А баба продолжала:

— Так, впустили его... отчего не впустить,

когда человек просит... Чулан-то у нас незанятый стоит, ну, вот ему и отдали чулан, а только платы мы от него никакой ещё не видали.

— А где же этот чулан?

— А вам разве надо?

— Да, я его приятель и хочу посмотреть.

— Да мне что ж, смотрите, коли охота, только что ж там смотреть? Там и смотреть-то нечего... Кровать ему мой муж сколотил, да чемоданишко его старый, да книжек два десятка, — вот и всё его добро. Господин он бедный; такая у него бедность, какой и не встретишь... Уж на что мы беднота, а он жалче нас... Посмотрите, коли охота.

Она оставила бельё в лохани, вытерла руки фартуком и повела Смурова в дом.

Прямо из сеней был ход в кладовку, но там было темно; пришлось зажечь спичку, чтобы разглядеть внутренность.

Да, в ней всё было так, как описала жена водовоза. Сколоченная из досок кровать, чемодан Колтухина и книги. Смуров посмотрел, покачал головой и вышел. Он простился с бабой, пообещав зайти позже, когда придёт её жилец, и, выйдя на улицу, поспешил сесть на

первые попавшиеся дрожки.

Он торопился обратно, боясь, чтобы Колтухин не ушёл из университета. Он приехал как раз к концу последней лекции и остался ждать у входа.

Студенты выходили; между ними был и Колтухин. Смуров пошёл рядом с ним, о чём-то заговорил и нарочно отстал, давая товарищам пройти вперёд.

— Слушай, Колтухин, у меня к тебе просьба! — промолвил он.

— Что? — рассеянно спросил Колтухин.

— Зайдём ко мне на минутку.

— Зачем?

— Так... у меня есть дело... Видишь, — и Смуров старался тут же придумать какое-нибудь дело, — видишь ли, я перевёл одну вещицу с немецкого... и в одном месте встретил затруднение. Ты ведь лучше моего знаешь немецкий язык, вот я и хочу, чтобы ты мне помог...

— Я устал! — неохотно отозвался Колтухин.

— Тем лучше, у меня отдохнёшь.

— Но... но мне надо заниматься...

— Чем?

— Надо заняться с учеником... Он меня ждёт.

— Эка важность, если он напрасно прождёт! Не беда... Ты так редко манкируешь.

При этом Смуров взял его под руку и крепко держал, как бы боясь, чтобы он от него не улизнул.

Колтухин колебался. Почему-то ему было трудно согласиться на эту простую просьбу приятеля. Но, разговаривая таким образом, они незаметно дошли до дома, где жил Смуров.

— Ну, вот видишь, мы уже дошли, — сказал Смуров, — зайдём на пять минут...

— Да ведь некогда, говорю же тебе... — попытался было ещё раз отделаться Колтухин.

— Странно! Неужели ты для товарища не можешь пожертвовать десятью минутами.

— Ну, пожалуй...

Колтухину было неловко отказать. Смуров, в самом деле, всегда казался ему искренним и хорошим приятелем.

Они поднялись в четвёртый этаж. У Смурова была маленькая комната с кроватью, сто-

лом и диваном. Всё здесь было чисто и опрятно. Он зарабатывал немного, но обладал способностью устроиваться. Он любил порядок и всегда сам прибирал свою комнату.

— Садись, — сказал он, указывая на диван. — А я пока отыщу свой перевод. Впрочем, — прибавил он, — я буду рыться минут десять, так вот тебе подушка, ты приляг.

И он, взяв с кровати подушку, переложил её на диван.

— Ах, да, — продолжал Смуров, — у меня остался кусок колбасы, да вот и хлеб... Давай-ка закусим... Ты, верно, ещё не обедал? Ведь это не мешает; это даже развивает аппетит.

Колтухин взглянул на диван с подушкой, потом перевёл свой взгляд на колбасу, которую Смуров уже положил на стол, и вдруг лицо его перекошилось.

— Нет, знаешь, мне некогда! — как-то резко промолвил он. — Я уйду! — и он круто повернулся к двери, готовый в самом деле уйти.

— Постой... одну минуту... Сядь, пожалуйста!

И Смуров взял его за рукав и удержал.

— Полно же! — глухо возразил Колтухин. — Говорю мне некогда... Какой странный у тебя способ принимать гостей.

Смуров почти насильно усадил его на диван и тут заметил, что его гость тяжело дышит.

— Послушай, Колтухин: ты извини меня, но ведь ты... ты страшно голоден... Ты истощён голодом... Поешь...

— Я? — с сардонической усмешкой возразил Колтухин. — С чего это? Вот не понимаю...

— Ну, да, да... ты голоден... Больше не к чему скрывать. Прошу тебя, Колтухин, поскорее подкрепи свои силы. Ведь ты по три дня не ешь...

Колтухин с изумлением, почти с ужасом смотрел на него своими блестящими, воспалёнными глазами, а Смуров продолжал:

— Ты живёшь в трущобе, почти из милости... Ты питаешься куском хлеба, который тебе даёт жена водовоза из жалости... Я всё это знаю, Колтухин, я был там... Я попал туда случайно, понимаешь, случайно...

— Какое же ты имел на это право? — спросил Колтухин, и брови его мрачно сдвину-

лись.

— Право? Разве тут нужно право? Достаточно быть товарищем... И я ведь тебя понимаю, Колтухин, у тебя страшное самолюбие, оно было оскорблено, оно было оскорбляемо на каждом шагу...

— Да, да. да... На каждом шагу! — как эхо повторил Колтухин и прибавил с сильным выражением, — каждым взглядом, каждым движением! Я не мог, понимаешь ли ты, я не мог этого перенести...

И он опустил голову на стол. Потом он продолжал:

— Вот для чего я выдумал этот урок... и я буду терпеть, Смуров, я буду терпеть... Ты не говори никому, ради Бога, Смуров, слышишь?.. Презрение от водовоза мне легче терпеть...

— Постой, — мягко остановил его Смуров, — об этом после. А теперь подкрепись, это главное... Полно стесняться, мы — товарищи, мы знаем друг друга с детства, предомною нечего стыдиться. Вот я велю сейчас приготовить чай. Ну, давай вместе поедим... А потом... Я тебе скажу, что у меня есть на при-

мете действительный урок; его предложили мне, но я тебе передам, ведь мне хватит... Ну!

Смуров показал хороший пример и первый начал есть. Колтухин с каким-то болезненно-напряжённым видом, как будто это стоило ему больших усилий, решился, наконец, протянуть руку к хлебу. Потом они пили чай. Колтухин мало-помалу оживился и начал рассказывать о своей жизни в квартире водовоза.

Это было действительно нечто ужасное, это были такие лишения, которые терпеть добровольно может только человек с сильной волей.

— И знаешь, — говорил он Смурову, — я решился дотянуть так до окончания курса. Трудно это, очень трудно! И иногда мне казалось, что я вот-вот свалюсь. Но в эти мгновения являлось сознание, что я ни от кого ни завишу, никого ни о чём не прошу и никто не смеет оскорбительно посмотреть мне в глаза. И это сознание возвращало мне силы. И теперь, вот ты говоришь, что для меня есть урок; спасибо тебе, я возьму, я не вижу причины бесцельно истязать себя, тем более, что

не сомневаюсь в твоей искренности... Но если бы мне опять не повезло, я ничего не боюсь теперь, никакой нужды, никаких лишений. Я уже ни у кого не в состоянии просить какого-нибудь одолжения... Пойду к моему водовозу и поселюсь в тёмном чулане, и буду питаться чёрным хлебом. Ещё у него одолжиться и я смогу, но у товарищей никогда!

Скоро обстоятельства Колтухина поправились. Он, наконец, овладел уроком и до окончания курса больше не впадал в крайнюю нужду.

Смуров долго хранил в тайне этот эпизод, и только когда они оба кончили университет, скоро после этого, однажды в товарищеском кругу рассказал его.

И многие вспомнили о том, как неосторожно, хотя и бессознательно, оскорбляли своими взглядами Колтухина, когда нужда заставляла его пользоваться услугами товарищей, — вспомнили и покраснели.